

Ивана ВИДОСАВЛЕВИЧ¹
Светлана Александровна ШИШКИНА²

УДК 82.01

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РАССКАЗАХ МИЛОРАДА ПАВИЧА

¹ преподаватель русского языка,
Гимназия № 1 (г. Крушевац, Сербия)
ivannav86@gmail.com

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и русского языков,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
raddoc@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению прецедентных феноменов в художественном произведении с позиции лингвокультурного и языкового уровней. Цель исследования — выявление и описание особенностей функционирования прецедентных феноменов в рассказах известного сербского писателя Милорада Павича. В статье поставлен и решен ряд задач: описана теоретическая база исследования прецедентности с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; произведена выборка прецедентных текстов и имен из рассказов Милорада Павича, опубликованных в сборнике «Руски хрт» («Русская борзая»); проведен контекстуальный анализ выбранных единиц; рассмотрены сферы-источники прецедентности.

Далее авторы анализируют роль прецедентных феноменов и интертекстуальности в конструировании идиостиля автора. В первой части статьи предложены теоретические основания исследования, вторая часть представляет собой изложение результатов проведенного анализа. Исследование показало, что источники прецедентности в рассказах Милорада Павича невероятно разнообразны: это христианская традиция, античная

Цитирование: Видосавлевич И. Прецедентные феномены в рассказах Милорада Павича / И. Видосавлевич, С. А. Шишкина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 33-43.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-33-43

мифология, средневековая и современная литература Сербии и других стран, фольклорные произведения и алхимические трактаты.

Характерной чертой функционирования прецедентных феноменов в рассказах писателя является то, что источники интертекстуальных включений так или иначе связаны с национальной идентичностью Сербии. Прецедентные феномены делают повествование более ярким, насыщенным, образным, позволяя автору создать уникальный, неповторимый мир, сотканный из множества уже существовавших в сербской национальной картине мира имен, текстов и образов. Также они создают определенный эффект игры, свойственный постмодернистской литературе, привлекая читателя-интеллектуала к поиску источника прецедентности и разгадки его значения.

Ключевые слова

Когнитивная база, язык, мышление, культура, идиостиль, интертекстуальность, прецедентные феномены, прецедентные тексты, прецедентные имена.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-33-43

Творчество Милорада Павича своеобразно. Его произведения — «это коллаж из различных исторических и мифологических времен, сквозь которые проникает автор. Мы обнаруживаем не реалии истории, как может показаться на первый взгляд, а искусно созданные мистификации, композиции из диссонансных элементов» [6]. В его творчестве можно наблюдать своеобразное использование способов подачи материала, в частности, прецедентных текстов. Следовательно, можно заключить, что художественный дискурс Милорада Павича обладает свойством интертекстуальности. Эта особенность творчества писателя определила цель нашего исследования — выявить и описать особенности функционирования прецедентных феноменов в рассказах известного сербского писателя Милорада Павича.

Проблема прецедентности, впервые поднятая Ю. Н. Карауловым в рамках теории языковой личности, является одной из приоритетных задач современной отечественной лингвистики с начала 90-х гг. Большой вклад в изучение прецедентных текстов и прецедентности внесли исследования Д. Б. Гудкова и Ю. Е. Прохорова, а также В. В. Красных, в которых были введены понятия прецедентного феномена и прецедентной ситуации. В нашей работе мы придерживаемся широкого понимания прецедентного текста, при котором к данным феноменам относятся аллюзии не только в художественной литературе, но и в религиозных, фольклорных, публицистических источниках.

В 1984-ом г. Милорад Павич был, как он писал в «Автобиографии», самым нечитаемым писателем в своей стране, а с этого года и далее стал самым читаемым [6]. Этот поворотный момент наступил, когда он написал свой первый роман «Хазарский словарь», который ввел его в число самых читаемых писателей мира. Эта работа представляет собой сложную структуру и смысл, она является кульминацией тенденции М. Павича экспериментировать, модифициро-

вать, преодолевать и отменять все достигнутое и постигнутое. После необычного романа-лексикона читателям была предоставлена возможность встретиться с романом для «любителей кроссвордов», как говорит автор в подзаголовке «Пейзажа, нарисованного чаем». Далее последовал роман-клепсидра «Внутренняя сторона ветра», который можно читать с обеих сторон: есть два начала и конец, который находится в середине, от читателя зависит, откуда он начнет читать произведение. Затем последовали роман-таро («пособие по гаданию») «Последняя любовь в Константинополе», роман в форме астрологического справочника «Звездная мантия», в котором писатель дал характеристику всем знакам зодиака, своеобразное прочтение Библии — роман «Второе тело» [6].

Войдя в литературу как поэт сборником «Палимпсесты», М. Павич решил выразить свое лирическое высказывание, используя опыт и внутренние особенности интеллектуально-рационального потока поэзии. Доминирующими чертами этого сборника являются языковые и мотивные связи с барочной и классицистической традициями. Другой сборник стихов — «Лунный камень» похож по мысленной и стилистической направленности на предыдущий. Интересно отметить, что некоторые песни из «Лунного камня», обработанные особым образом, становятся рассказами и продолжают свою литературную жизнь как проза. Намного позже, возвращаясь к поэзии сборником стихов «Души купаются в первый раз», М. Павич продолжил свой стиль смешивания этих двух литературных форм, демонстрируя определенное ироническое отношение к делениям такого рода. Несмотря на то, что сборник в основном состоит из коротких рассказов, он включает и песни более современного языкового выражения, близкого сюрреализму [10, с. 9-10].

Общей чертой идиостиля всех трех сборников является особое языковое выражение, созданное использованием ряда традиционных поэтических идиом, старых мотивов и символов старого литературного языка, метрики и рифмы, а также надстроенное современными поэтическими средствами. Его новизна и свежесть именно в этом соединении старого и современного [10, с. 10].

Несмотря на то, что литературные критики позитивно откликнулись на его поэтические достижения, М. Павич обратился к прозе — сначала к рассказам, потом к романам.

«Павићевој приповеци дали бисмо атрибуте: нова, полифона и фантастична. (...) Чини се да, суштински, Павићева приповетка почива на развијенијој фабули и строгој композицији и да је у свом корену везана за традиционално приповедање (...) Све ово јој не одузима право да буде и нова, јер, не заборавимо, Павић је писац који уједињује традиционално и модерно. Под значењем ново подразумевамо експериментисање формом, мешање приповедачких поступака, изузетно посвећивање пажње структури, асоцијативност, ироничност, и наравно фантастику. Полифоном бисмо је назвали због изразите вишеслојности и вишезначности» [3, с. 12] — Рассказу Павича можем дать атрибуты: новый, полифонический и фантастический. (...). Кажется, что, по существу, рассказ

Павича опирается на более развитую фабулу и строгую композицию, и что он в корне имеет связи с традиционным рассказыванием (...). Все это не лишает его права быть новым, потому что, не забудем, Павич является писателем, который сочетает в себе традиционное и современное. Под современным имеем в виду экспериментирование формой, смешивание повествовательных поступков, уделение внимания структуре, ассоциативность, иронию и, конечно, фантастику. Полифоническим мы назвали его из-за выразительной многослойности и многозначности (Здесь и далее — перевод авторов).

«Павићева фантастика, која је негде на средини између борхесовске фантастике филозофско-метафизичког типа и сатиричко-ироничке фантастике Михаила Булгакова, није, дакле, чиста и права фантастика, већ један особен тип гротеске, из које су сви уклоњени елементи комичног замењени елементима апсурдног» [10, с. 217] — Фантастика Павича, которая находится где-то посередине между фантастикой Борхеса философско-метафизического типа и сатирическо-иронической фантастикой Михаила Булгакова, не является, следовательно, чистой и настоящей фантастикой, а уникальным типом гротеска, из которого все удаленные элементы комического заменены элементами абсурда.

«Иронија кроз гротеску, код Павића се суштински остварује спајањем неспојивог, чиме се осим фантастичког утиска ствара изобличена представа стварности, чији привидни смисао, а у ствари бесмисао, рађа осећање трагикомичног» [1, с. 27] — Ирония через гротеск у Павича по существу достигается путем соединения несовместимого, тем самым создавая кроме фантастического впечатления искаженное представление реальности, кажущееся значение которого, а на самом деле бессмысленность, рождает чувство трагикомического [1, с. 27].

М. Павич пише типологически и тематически очень разнообразные тексты. Своеобразие его произведений основывается на изменении отношений между вещами и явлениями в повседневной жизни или на параллельности пространственно и временно удаленных ситуаций и состояний. Фантастическое, которое подключается в ритм и поток повседневной жизни, со временем превращается в повседневное, в его признанную и принятую часть. С точки зрения типологии, многие рассказы М. Павича имеют драматургию классической фантастической прозы («Бахус и леопард», «Варшавский угол», «Вкус соли», «Сердечный приступ», «Ядовитые зеркала» и т. д.). Структурная доминанта в них находится в интересной, остроумно придуманной головоломке сюжета и в намеке решения или в настоящем решении головоломки.

Для творчества Милорада Павича характерна проза неконвенциональной литературной структуры — та проза, которая сопротивляется и жанровой обусловленности, и традиционным представлениям о строгом согласии между определенными компонентами литературного произведения. Примером могут послужить рассказы «Сторож ветров», «Веджвудский чайный сервиз», «Икона, которая чихает», «Аксеаносилас», «Конница», «Кровать на троих», «Теразие»,

«Ужин в ресторане “У вопросительного знака”», «Шахматная партия с живыми фигурами» и многие другие [7, с.105-106].

Обратимся к анализу сборника рассказов М. Павича «Руски хрт» — «Русская борзая». В послесловии к нему автор писал: «...Ја бих упозорио на чињеницу да ова књига садржи две сасвим засебне и целовите приче... На питање постављено у једној добија се одговор у другој од тих прича, а ако се прочитају заједно оне чине трећу причу, која би се могла схватити и као аутобиографија писца у женском лицу» [8, с. 262] — ...Я хотел бы предупредить, что эта книга содержит два совершенно отдельных и целостных рассказа... На вопрос, заданный в одном, вы получаете ответ в другом из этих рассказов, а если читать их вместе, они образуют третий рассказ, который можно рассматривать как автобиографию писателя в женском роде. Этими двумя рассказами являются «Яйцо» и «Варшавский угол».

Среди других сборников рассказов «Русская борзая» представляет кульминационную точку всех предыдущих литературных методов, идей М. Павича.

Обращением к прецедентному тексту — библейской легенде об изгнании Адама и Евы из рая («Запись на конской попоне») М. Павич намекает образом Павла Грубача на писателя и его страх от «изгнания», от читателя: «Полако лутам тим сплетом ходника од пећи до пећи, палим ватре и шапућем из мрака своју причу некеме кога не познајем и нећу никад видети. Не знам какво лице имате ви, којима причам кроз огањ и зид, не знам вам ни пол, ни узраст ни намере, ни разлоге што плачете, свађате се или веселите» [8, с. 257] — Медленно я брожу этими коридорами от печи до печи, зажигаю огни и шепчу из темноты свою историю кому-то, кого не знаю и никогда не увижу. Я не знаю, какие лица у вас, с которыми я говорю через огонь и стену, я не знаю ваш пол, возраст, ни намерения, ни причины, почему вы плачете, ссоритесь или радуетесь.

В рассказе «Аксеаносилас» читатель и автор становятся соучастниками в одном вымышленном, литературном преступлении, о чем читатель, конечно, узнает только в конце [2, с. 52].

О личности автора и его всеведении говорит рассказ «Атлас ветров». Это фантастическая идея книги, которая представляет собой всеведение жизни, универсальную энциклопедию, пособие по непогрешимости и умению жить [2, с. 53].

Срывая установленные рациональные понятия о всеведении, М. Павич говорит: «Али сада знам: до тајне се не стиже друмом, него странпутицом, она није на крају право, него на крају погрешног пута. Требало је бар једном занемарити ветроказе, изабрати смер који сви сматрају погрешним, одлучити се за нетачан прорачун и окушати могућност које се већина одриче» [8, с. 107] — Но теперь я знаю: до тайны не приехать по дороге, а свернув с дороги, она не находится в конце правильного, а в конце ошибочного пути. Нужно хотя бы один раз не обращать внимание на знаки, выбрать направление, которое все считают неправильным, определиться на неправильный расчет и опробовать возможность, которой большинство отрекается.

«Теразие», «Комната Андрия Анджала», «Ужин в ресторане “У вопросительного знака” являются рассказами с «живыми героями» — прецедентными именами. В последнем в качестве персонажей появляются Божа Вукадинович, Влада Урошевич, Зоран Мишич и Милорад Павич. Все они каким-то образом фантастичны. Сдвиг из реальности осуществился через сон, который является посредником для входа в другую «реальность», чужое литературное произведение. Рассказ состоит из частей рассказов Милорада Павича и Влады Урошевича, так что от читателя требуется знать творчество их обоих, чтобы испытать полный эффект такого рода комбинаторики [2, с. 55].

Аналогичное обращение к прецедентному имени находим в рассказе «Вывернутая перчатка». Он повествует о сербском просветителе и реформаторе Доситее Обрадовиче и состоит из двух почти идентичных целых. Первая часть является «нормальным» рассказом, а другая состоит из эпизодов, связанных между собой по смыслу. Эффект «вывернутой перчатки» полностью достигается тем, что начало и конец заменили места, а также ход событий [2, с. 55].

Традиционные мотивы фантастической литературы, такие как сон, двойник, зеркало, были обильно использованы в рассказе «Ядовитые зеркала», который является своего рода эссе о зеркале, т. к. весь рассказ и его смысл основываются на эффекте, который оно вызывает. Прецедентным текстом здесь является состав зеркала, данный через алхимические традиции, что представляет этот объект как единство живого и неживого мира. Появление двойника в литературе XX в. вызвано экзистенциальными проблемами и кризисом идентификации. Связан с этим и мотив двойника, неоднократно встречающийся в рассказах М. Павича, охватывающий все двусторонности, двойственности и двусмысленности, которых в его прозе предостаточно [2, с. 56].

Продолжая заниматься проблемой времени и личности, Милорад Павич в рассказе «Русская борзая» обращается к вопросу смены поколений. Как настоящее не только поглощает прошлое, но и учится на нем, так и дети поглощают отца, чтобы установить свою власть, как в этом рассказе о борзых и волке. Кульминацией здесь является тот момент, когда происходит эта смена, когда в сотый раз возобновляется процесс разрушения и строительства.

Рассказ «Красный календарь» создает незабываемый образ — сердцевины границ двух времен. Говоря об Октябрьской революции — прецедентном событии, повлиявшем не только на историю России, но и, косвенно, Сербии, писатель показывает, что в фантастических ситуациях на границе двух времен время может двигаться вперед или назад, отменяя настоящий момент.

Поиск персонажем Сташей Зорич разрушенного родительского дома в рассказе «Варшавский угол» символизирует на самом деле поиск прасостояния, архетипа. Воспоминание о нашем бывшем существе (коллективное бессознательное) позволяет узнать о нашей родовой памяти. В ней хранится вся наша жизнь — как отдельных лиц и как коллектива [2, с. 57-58].

Несмотря на сложные и почти недостижимые многочисленные смыслы рассказа «Яйцо», можно догадаться, что Милорад Павич говорит о молодежи, потенциальных людях, чье время — будущее.

«Павић у својим прозним радовима укршта и умножава различите перспективе стварности и различите перспективе сазнања о њој, односно различите перспективе времена и простора, психологије, историје, културе и других појмова укључених у садржину свог дела. Он стварност и простор види као целину, време и историју доживљава као целину. Целокупна његова прозна активност се налази у својеврсном наративном споју садашњости и прошлости, старог и новог, историјског и актуелног, документарног и животног, конкретног и сањаног, артифицијелног и имагинативног» [7, с. 72] — Павич в своих прозаических произведениях пересекает и умножает различные перспективы реальности и различные перспективы знаний о ней, а именно различные перспективы времени и пространства, психологии, истории, культуры и других понятий, включенных в содержание его работы. Он видит реальность и пространство как одно целое, время и историю воспринимает как единое целое. Вся его прозаическая деятельность находится в своего рода повествовательном сочетании прошлого и настоящего, старого и нового, исторического и современного, документального и вымышленного, реальности и сна, искусственного и воображаемого.

«Павић пише прозу необичне унутрашње садржинске и композиционе разуђености, специфичног језичког ритма, прозу са загонетком значења и умноженом сликом стварности у себи. Његова проза је синтеза већег броја стваралачких модела на које се ослања и које наставља, она непрестано сажима у себи већи број трајних људских судбина и ситуација, она је збор догађаја различите садржине и јединственог занчења, збор различитих слојева текста а јединствене идеје» [7, с. 74] — Павич пишет прозу необычного внутреннего и композиционного содержания, специфического языкового ритма, прозу с головоломкой в значении и умноженной картиной реальности в себе. Его проза представляет собой синтез большого количества творческих моделей, на которые опирается и которые продолжает, она постоянно сжимает в себя большое число человеческих судеб и ситуаций, она является сбором событий разных содержания и единого значения, сбором различных слоев текста и единой идеи.

В прозе М. Павича особенно творчески интенсифицировано понятие национального, т. к. этот автор именно на национальной основе построил свою прозаическую деятельность и создал свою собственную поэтическую модель. Средневековая сербская литература и последующая литература той же тематики вдохновляла М. Павича не из-за ее религиозного духа и идеологии, а в первую очередь из-за мотивов, символов, аллегорического и параболического представления человеческих ситуаций, а также из-за обязательства представить реальность как пространство, в котором вместе с реальным и конкретным равноправно существуют и действуют ирреальные и фантастические явления и силы, которые меняют естественный порядок реальности и человеческой жизни в ней [7, с. 102].

Тексты автора наполнены не только современными ему прецедентными феноменами, в них присутствуют библейские, языческие, фольклорные аллюзии,

автор обращается к именам известных писателей, поэтов, цитирует отдельные произведения и т. п. Так, прецедентные имена, включаясь в канву повествования, несут в себе определенную нагрузку в раскрытии замысла писателя. Как и само повествование, они весьма различны и многослойны, могут относиться к настоящему времени или уходить в далекое прошлое, в фантастику.

Иногда имена живут и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Так, в рассказе «Пароль» показана судьба юного музыканта Николы Биляра. Ключевым прецедентным феноменом здесь является слово «продромос», в переводе с греческого — «бегущий впереди, передовой, предтеча». Накануне гибели мальчик спрашивает учителя: «А шта ће бити онда са мојом последњом песмом? — упитао је Никола Биљар. -Њу нећеш чути никад!- мирно је одговорио учитељ, [9, с. 29] — «А что будет с моей последней песней? — спросил Никола Биляр. — Ты ее не услышишь! — спокойно ответил учитель.

В рассказе представлено столкновение света и тьмы, добра и зла. На вопрос мальчика, что значит слово «продромос», учитель отвечает: «Означает оно того, кто предшествует, Предтечу... Это имя учителя Христа» [9, с. 32]. Таким образом, в контексте переплетаются и прошлое, и настоящее, и будущее. Они взаимосвязаны. В данном рассказе имя мальчика перекликается с именем Иоанна Предтечи. Мальчик тоже предтеча будущего: «У том часу песма о прстену, бичу и тамбури улазила је у град» [8, с. 32] — В это время песня о кольце, плети и балалайке входила в город. Данная народная песня также рефреном проходит через все повествование, в город входят русские, они несут победу, и ее символ — песня. Таким образом, в тексте присутствуют и настоящее, и прошлое, и будущее.

Наряду с литературными образами автор часто использует в своих рассказах фольклор, народные приметы, которые также часто соотносятся с библейскими знаниями. В рассказе «Руски хрт» («Русская борзая») прецедентным текстом является народный обычай, берущий свое начало в христианском учении: «Стигао је из Сомбора... и сада га је процењивао очима које су нису смејале, јер био је петак, када се не смеје да се у недељу не би плакало» [10, с. 13-14] — «Тот прибыл из Сомбора... и сейчас оценивал его взглядом, который не смеялся, ибо была пятница, а в пятницу не смеются, чтобы в воскресенье не плакать».

Пятница — день недели, в который, согласно христианской традиции, почитается память о страданиях Господа; это день строгого поста и воздержания, особенно от женских работ — прядения, ткачества, шитья, стирки, купания и т. д. Практически каждая пятница считалась опасным днем, особенно строго соблюдаются запреты в пятницу накануне больших праздников.

Вывод

Таким образом, идиостиль М. Павича — это идиостиль эрудита, знакомого со многими сферами-источниками прецедентности. Характерной чертой функционирования прецедентных феноменов в рассказах писателя является то, что источники интертекстуальных включений так или иначе связаны с национальной

идентичностью Сербии, будь то обращение к средневековой сербской литературе, народным обычаям, христианской традиции или современности. Прецедентные феномены делают повествование более ярким, насыщенным, образным, позволяя автору создать уникальный, неповторимый мир, сотканный из множества уже существовавших в сербской национальной картине мира имен, текстов и образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Видосавлевич И. Образ святого Саввы в сербской литературе и народной традиции / И. Видосавлевич // Православные истоки русской культуры и словесности: б. науч. ст. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2015. С. 281-284.
2. Дрожащих Н. В. Синергетические циклы в генезисе языкового стиля / Н. В. Дрожащих, Т. Ю. Белоногова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2014. № 1. С. 30-37.
3. Павич М. Русская борзая. Рассказы / М. Павич. С-Петербург: Амфора, 2001. 279 с.
4. Ушакова А. П. Лингвокультурные особенности антропонимов в малой прозе М. Павича / А. П. Ушакова // Когнитивные исследования языка. 2015. Выпуск XXI. С. 672-674.
5. Ушакова А. П. Аксиологический компонент концепта «СЛОВО» в романе Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса» / А. П. Ушакова, С. А. Шишкина // Когнитивные исследования языка. 2016. Выпуск XXVI. С. 484-487.
6. Делић Ј. Хазарска призма: тумачење прозе Милорада Павића / Ј. Делић Београд, 1991.
7. Званична интернет страница писца (официјална страница писатеља). URL: www.khazars.com
8. Михајловић Ј. Прича о души и телу: слојеви и значња у прози Милорада Павића / Ј. Михајловић. Београд, 1992.
9. Недић М. Основа и прича: огледи о савременој српској прози / М. Недић. Београд, 2002.
10. Павић М. Руски хрт / М. Павић. Београд, Просвета, 1990. 263 с.
11. Палавестра П. Критичка књижевност / П. Палавестра. Београд, 1983.
12. Толстая С. М. Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд, 2001. URL: http://www.svevlad.org.rs/narodni_zivot_files/tolstoj_dani.html

Ivana VIDOSAVLEVICH¹
Svetlana A. SHISHKINA²

PRECEDENT PHENOMENA IN STORIES BY MILORAD PAVICH

¹ Russian Language Teacher,
High School (Krusevac, Serbia)
ivannav86@gmail.com

² Cand. Sci. (Phil.), Assistant Professor,
Department of Foreign and Russian Languages,
Tyumen Higher Military Engineering Command School
raddoc@rambler.ru

Abstract

This article is devoted to the study of precedent phenomena in literature. The authors employ cultural and linguistic approaches. The purpose of this research is identification and description of the precedent phenomena in the stories of famous Serbian writer Milorad Pavic. The article posed and solved a number of objectives: to describe the theoretical basis for the research of precedent phenomena from the standpoint of cognitive linguistics and cultural linguistics, to produce a sample of precedent texts and names taken from the stories by Milorad Pavic, published in the collection “Ruski hrt” (“Russian Hound”), to provide a contextual analysis of selected units, to consider the sources of precedent phenomena. Further, the authors analyze the role of precedent phenomena and intertextuality in M. Pavic’s idiosyncrasy. The first part of the article offers the theoretical foundation of research, the second part is a summary of the results of the analysis. The study showed that the precedent sources in the stories by Milorad Pavic are incredibly diverse: they include the Christian tradition, ancient mythology, medieval and modern literature of Serbia and other countries, folklore and alchemical treatises. A characteristic feature of the precedent phenomena in the writer’s stories is that the sources of intertextual inclusions are somehow connected with the Serbian national identity. These precedent

Citation: Vidosavlevich I., Shishkina S. A. 2017. “Precedent Phenomena in Stories by Milorad Pavic”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 33-43.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-33-43

phenomena make the stories more vivid, saturated, shaped, enabling the author to present a unique world that roots from the names, texts and images already existing in the Serbian national worldview.

Keywords

Cognitive base, language, thought, culture, idiosyncrasy, intertextuality, precedent phenomena, precedent texts, precedent names.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-33-43

REFERENCES

1. Delih J. 1991. Hazarska prizma: tumacheње proze Milorada Paviha [Khazar Dictionary: Translating Milorad Pavich's Prose]. Beograd.
2. Drozhashchih N. V., Belonogova T. Yu. 2014. "Sinergeticheskie tsikly v genezise yazykovogo stilya" [Synergetic Cycles in Genesis of Language Style]. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, no 1, pp. 30-37.
3. Mihajlovih J. 1992. Pricha o dushi i telu: slojevi i znachnja u prozi Milorada Paviha [The Story of Soul and Body: Layers of Meaning in Prose of Milorad Pavic]. Beograd.
4. Nedih M. 2002. Osnova i pricha: ogledi o savremenoj srpskoj prozi [The Basis of the Story: Essays on Contemporary Serbian Prose] Beograd.
5. Palavestra P. 1983. Kritichka kritichestvo [Critical Literature]. Beograd.
6. Pavih M. 1990. Ruski hrt [Russian Hound]. Beograd: Prosveta.
7. Pavih M. 2001. Russkaya borzaya. Rasskazy [Russian Hound]. St. Petersburg: Amfora.
8. Tolstaya S. M. 2001. Slovenska mitologija. Enciklopedijski rechnik. [Slavic Mythology: Encyclopedia]. Beograd. http://www.svevlad.org.rs/narodni_zivot_files/tolstoj_dani.html
9. Ushakova A. P. 2015. "Lingvokulturnye osobennosti antroponimov v maloj proze M. Pavicha" [Linguistic and Cultural Aspects of Anthroponyms in prose of M. Pavic]. Kognitivnye issledovaniya yazyka, no XXI, pp. 672-674.
10. Ushakova A. P., Shishkina S. A. 2016. "Aksiologicheskij komponent koncepta 'SLOVO' v romane G. Petrovicha 'Osada cerkvi Svyatogo Spasa'" [Axiological Component of the Concept of "Word" in the Novel by G. Petrovich "The Siege of the Church of the Saviour"]. Kognitivnye issledovaniya yazyka, no XXVI, pp. 484-487.
11. Vidosavlevich I. 2015. "Obraz svyatogo Savvy v serbskoj literature i narodnoj tradicii" [The Image of Saint Savva in Serbian Literature and Folklore]. Pravoslavnye istoki ruskoj kul'tury i slovesnosti: sb. nauch. st., pp. 281-284. Tyumen: Tyumen State University.
12. Zvanichna internet stranica pisca (ofitsial'naya stranica pisatelya) [The Writer's Official Website]. www.khazars.com